
Алла Есенина
ЗЛАЯ ДОБРАЯ ФЕЯ
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Алла Есенина
Злая добрая фея

https://litres.ru/74997574
SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды она вернулась домой из командировки и обнаружила пустую полку, записку на столе и голос любимого мужчины в телефоне лучшей подруги.

Что делает женщина в такой ситуации? Выпивает, плачет, делает стрижку и уборку.

Как первая помощь сойдет, но этого недостаточно, чтобы изменить свою жизнь.

«Слишком хорошая для меня» — написал он в записке. Но он ошибся.

Добрых фей любят, но не берегут. Злых — боятся и уважают.

Неудивительно, что первые иногда хотят стать вторыми. Удивительно, когда это получается.

Роман о стрижке, которая меняет жизнь. О работе, которая наконец платит по-честному. О мужчине, который три месяца наблюдал и всё-таки решился.

И о девушке Кате, которая наконец-то стала собой.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: Убийство 5
Глава 1. Без крови 5
Глава 2. После командировки 7
Глава 3. Наташа 11
Глава 4. Утро после казни 18
Глава 5. Антресоли 22
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Алла Есенина
Злая добрая фея

Добрыми феями пользуются.
Злых — боятся и уважают.
Из дневника бабули

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: Убийство

Глава 1. Без крови

Я её убила.

Без свидетелей, без угрызений совести и, что особенно приятно, без необходимости потом отмывать кухню.

Хотя последнее было бы справедливо. Сколько лет эта идиотка портила мне жизнь, прикрываясь добротой, человеколюбием и прочей высоконравственной чепухой!

Она была редкостной дурой. Причём дурой деятельной, инициативной и совершенно бескорыстной. Таки всегда получают по полной, и не из корысти, не по злобе, не по степени вины, а просто так, по зову широкой души. Потому что сами нарываются на большинство своих неприятностей.

Она помогала всем. Всегда. Немедленно. Иногда — вопреки здравому смыслу, собственным планам и элементарной выгоде. Она верила людям, давала второй шанс, третий, пятый – тем, кому не стоило давать и первый. Она улыбалась, когда хотелось рыдать, молчала, когда надо было орать, и извинялась, когда права была именно она.

Знаете таких? Правильно: бесят!

Если бы она хотя бы жаловалась. Или просила благодарности. Или хоть иногда говорила: «Хватит, у меня тоже есть

предел». Но нет. Она просто помогала, улыбалась, подставляла следующую щёку, и была искренне уверена, что всё делает правильно. Что справедливость восторжествует, и всё такое.

Вот именно такого «золотого» и безотказного человека я и убила, представляете?

А теперь самое главное. Она – это я. Добрая Катя. Удобная Катя. «Добрая фея» Катя.

Слава Богу, теперь это в прошлом. Безотказной Кати больше нет.

Но обо всём по порядку.

Глава 2. После командировки

Москва встретила меня дождём и запахом жареных каштанов с Арбата.

Я вернулась домой раньше на день — переговоры закончились быстрее, чем планировалось. «СахаОпт» согласился на наши условия в первый же вечер, после чего директор, грузный мужчина с влажным рукопожатием, предложил продолжить в ресторане. Я вежливо отказалась, быстренько написала отчёт в номере и взяла билет на утренний поезд. Добрая фея Катя была очень эффективна в командировках, никакого разбазаривания времени.

В поезде я спала. Снилось что-то про дом, не конкретное, просто ощущение: я скоро дома. Проснулась за два часа до Москвы, выпила вкусного чая, который бывает только в фирменных поездах, посмотрела в окно на серые, заблюренные дождевыми каплями поля и подумала: Артём, наверное, уже ждёт. Мы договаривались, что я позвоню с вокзала.

Я позвонила. Он не взял трубку.

Решила, занят, поеду так, без разговоров. Сюрпризом, так сказать.

В лифте я уже представляла, как открою дверь, Артём обрадуется, мы закажем пиццу: он любит с салями, я с морепродуктами, поставим чайник, и уютный вечер сложится сам собой. Мы так давно не проводили вкусный неспешный ве-

чер просто так, без поводов и планов. Последние месяцы всё куда-то торопились, то одно, то другое.

Я открыла дверь.

Тишина.

Не та тишина, когда человек спит или вышел в магазин. Другая: густая, устоявшаяся, как в квартире, из которой уже всё вынесли.

Я зашла в спальню. Его полка была пуста. Не просто убрана — именно пуста: там, где стояли его книги: Пелевин, Сорокин, детективы, толстый том по истории архитектуры, который он так ни разу и не открыл, остались только еле заметные прямоугольники. Я провела пальцем. Реально пыль. Как-то механически и безучастно подумалось: давно не убирала, надо бы заняться домом, раз уж такое дело.

Я открыла шкаф. Его вещи исчезли. Всё выглядело аккуратно, ни одной вешалки не упало, ни одного ящика не остался выдвинутым. Артём всегда был педантичным. Даже уходя.

Я пошла на кухню. На столе стояла пустая кружка — моя, с надписью «Кофе решает всё». Рядом лежал листок, аккуратно сложенный пополам.

Я не читала его долго. Просто села на стул и молча сидела, глядя на свою кружку. Когда я уезжала, она стояла в шкафу, я точно помнила. Сидела и думала: кто поставил кружку? Он? Как последний привет? Или кто-то из нее пил, а потом оставил? А может она тут и стояла, и я просто неправильно

помню?

Я мусолила в голове этот бессмысленный вопрос, чтобы не открывать записку, потому что уже знала, что там. Но потом всё-таки прочитала.

«Катя, прости. Я так больше не могу. Ты слишком хорошая для меня. Артём»

Так.

«Слишком хорошая». Три слова, которые я слышала от него и раньше, только как комплимент. Оказывается, это был приговор.

Когда мужчина говорит: «я тебя не достоин», «ты слишком хороша для меня», «ты достойна лучшего мужчины» и тому подобное – это всего лишь изящные заменители четырех простых слов: «я тебя не люблю». Ясно как божий день.

Так ещё на собеседованиях обычно говорят: «у вас слишком высокая квалификация для этой работы». А на самом деле имеют в виду что-то совсем другое, более обидное и прямолинейное.

Почему, ну почему все вечно играют в благородных интеллигентов. «Вы слишком хороши для нас». «Ты слишком хорошая для меня».

«Говорите правду, блять»! – подумала я злобно и ужаснулась сама себе. Добрые феи не говорят такие слова. Даже когда никто не слышит, даже мысленно.

Вдруг мне пришла в голову ещё одна нехорошая мысль.

Я открыла шкатулку на трюмо, где хранила свои украше-

ния.

Ну, конечно! Серёжки из Барселоны — те самые, серебряные с настоящими сапфирами, которые я купила себе в подарок два года назад, исчезли. Я редко надевала их, но они мне нравились, потому что бледно-голубые сапфиры удивительно подходили к моим серо-голубым глазам. Моя подруга Наташа всегда восхищалась ими, говорила: «Кать, они как будто созданы для твоих глаз. Я бы себе тоже такие купила, но мне не попадаются такие стильные». У Наташки тоже были серо-голубые глаза.

Сережки я купила себе сама, на свои деньги, потому что накануне получила хороший годовой бонус. Первый и единственный раз Семёныч мне выплатил такие щедрые деньжищи, и я решила отметить успех какой-нибудь выдающейся покупкой. И вот их нет...

Я уже готова была от души разреветься из-за всех этих одновременно нахлынувших несправедливостей, но в этот момент зазвонил телефон.

Глава 3. Наташа

Это была Наташа. Та самая Наташа, которая нахваливала пропавшие серьги.

Моя лучшая подруга Наташа, если уж говорить совсем точно. Мы дружили с первого курса, больше десяти лет. Знали друг друга, как знают только люди, которые вместе писали «шпоры» к экзаменам в три ночи и неоднократно делили один зонтик под ливнем.

Я ответила.

— Кать, привет, ты вернулась? — голос у неё был странный. Слишком бодрый. Так говорят люди, которые старательно делают вид, что всё нормально.

— Вернулась, — сказала я без всякого выражения.

И тут я услышала его. Тихо, на фоне, но отчётливо: голос Артёма. Он что-то быстро шептал вполголоса. Я услышала не слова, а его интонацию, слишком хорошо знакомую, такую домашнюю. Сердце как будто пропустило удар.

Пауза затянулась. Потом Наташа сказала:

— Слушай, я перезвоню, хорошо? Мне тут срочно надо бежать...

— Конечно, — сказала я, ничем не выдавая, что моё сердце впало в жёсткую аритмию.

И нажала отбой.

Я стояла на кухне с телефоном в руке и смотрела в ок-

но. За окном шёл дождь. Мелкий, противный, по-городскому монотонный, тот самый, который непонятно — уже закончился или ещё продолжается.

И вдруг я вспомнила.

Вспомнила сразу всё, начиная с того момента, как познакомила их, Артема и Наташу.

Два года назад, корпоративный Новый год у дружественной компании, куда меня пригласили «со спутником». Подходящего «спутника» не нашлось, и мы с Наташей пошли вместе. Она тогда ещё была с Игорем, но они уже ссорились. Корпоратив как раз пришелся на одну из их затяжных ссор, и она была немного взволнованная и очень красивая, в красном платье с глубоким декольте.

На корпоративе я и увидела Артёма. Он стоял один у окна, немного отдельно от всех, и мял в руке сигарету, сомневаясь можно ли курить прямо в зале ресторана. Увидела и подумала: интересный. Серьёзный. Сомневающийся, значит мыслящий. Хороший, в общем.

Я отхлебнула из бокала для храбрости, и сама подошла к нему. Познакомилась. Потанцевали несколько танцев. Поболтали. Покурили на балкончике (он курил, я вдыхала дым и любовалась его крепкими волосатыми руками).

А потом я подвела его к Наташе.

— Смотри, — сказала я ей тогда и засмеялась. — Это Артём. Умный, надёжный, не женат. Как будто чей-то новогодний подарок.

Наташа посмотрела на него, коротко, быстро, и улыбнулась какой-то задумчивой улыбкой, которую я тогда не прочитала.

— Повезло тебе, Катька. Ты нашла, значит подарок твой, — сказала она. И тоже засмеялась, а потом подмигнула.

Я подумала: вот ведь какая у меня добрая подруга. Радуется за меня.

Потом она ещё неоднократно повторяла, как мне повезло с Артемом, какой он хозяйственный, и гвоздь вобьет, и кран починит. И за шампанским ночью в круглосуточный сгоняет. Настоящий мужчина, в общем ("не то, что её размазня Игорь, конечно же" – так она говорила).

И всё это время она смотрела на него и оценивала.

Наши отношения с Артемом развивались степенно и предсказуемо. Первый звонок от него в новогоднюю ночь, каток у ГУМа на Рождество, кафе, прогулки, свидания. И первая романтическая ночёвка на день влюбленных. Потом ночевки стали всё чаще: то я оставалась у него Томилино, то он у меня на Пресне, и вот, прошлый Новый год мы уже встречали вместе, у меня.

К тому времени Артем пару месяцев как переехал ко мне совсем.

Мы с Наташкиным Игорем сидели за столом и обсуждали гороскоп на наступивший год, а Наташа позвала Артема танцевать. Медленный танец под что-то из восьмидесятых. Они танцевали близко, слишком близко, её голова у его пле-

ча, она ему что-то нашептывала с улыбкой.

Я поглядывала на них украдкой и думала с легкой тревогой: мне просто кажется. Конечно кажется – они просто танцуют. Как моя подруга и мой парень. Как друзья.

Добрая Катя ведь никогда не замечала того, что видеть неудобно.

Показалось…

Потом он несколько раз подвозил её домой, каждый раз по железобетонным поводам, с официальными отпрашиваниями у меня. А дома её ждал Игорь, с которым, не смотря на уже хронические размолвки и споры, она никак не могла расстаться.

А теперь всё как-то стало на свои места.

Игорь ушёл месяц назад. Вызвонил меня и попросил выйти из офиса на улицу.

— Кать, я больше не могу с ней. Извини, что я тебя выдернул, но мне надо кому-то всё рассказать, выговориться. Наташка же меня потом грязью обольет, я знаю. Но всё совсем не так. Любой танец танцуют двое, понимаешь…?

И я понимала.

Добрая фея Катя всегда всё понимала и активно сопереживала чужим горестям. Она накинула пальто и пошла с бывшим парнем своей лучшей подруги в ближайшую кофейню, чтобы в своё рабочее время послушать излияния его души и утешить банальностями, типа «всё наладится» и «когда закрывается одна дверь – открывается новая».

Тьфу, размазня!

На полке в углу кухни стояли бутылки. Я собирала их несколько лет, не специально, просто так вышло: почти из каждой поездки я привозила что-нибудь особенное. Коллеги иногда дарили на день рождения изысканный алкоголь, а однажды клиент из Греции привёз целый ящик местной водки.

Чего тут только не было! Узо, Метакса, текила «Пласа Реал» из Барселоны, абсент из Праги, кальвадос из Нормандии, бурбон с именной этикеткой, который подарили на корпоративе. Всё это стояло плотным рядом и накапливалось, потому что всегда был или «не тот случай» или «жалко открывать».

Всё вечно хранилось «для особого случая». Для «когда-нибудь».

Сегодня было не жалко.

Сегодня хотелось не напиться, а просто ударить по мозгам – или куда там надо ударить, чтобы перестать чувствовать боль? И эта полка предлагала мне самые гурманские способы.

Я взяла узо, греческую анисовую настойку, привезённую с Крита ещё весной. Поставила на стол. Нашла в шкафчике маленький гранёный стакан — не рюмку, стакан, потому что так было честнее.

Налила. Выпила. Поморщилась. Узо с непривычки жжёт сильно, и анис бьёт в нос как кулак.

Налила ещё.

Выпила. Посмотрела в окно. Дождь всё шёл.

Знаете, что самое странное? Я не плакала. Добрая Катя непременно заплакала бы — она вообще умела плакать красиво, с достоинством, так чтобы окружающие восхитились, пожалели и утешили.

Я сидела и думала. Трезво, почти холодно.

Третья рюмка.

Значит, «слишком хорошая». Значит, я два года была слишком хорошей. И что я получила в итоге? Большое человеческое счастье? Сказку? «Жили долго и счастливо»?

Нет, в итоге я сорвала «джэк-пот», чаще всего выпадающий бесхребетным добрым феям: листочек с сомнительным комплиментом на столе и голос Артёма на фоне у подруги. Ещё и сережки пропали…

Вот, значит, какая мне награда за доброту. За удобство.

Четвёртая.

Анис уже не жёг. Или привыкла.

Я сидела и разговаривала с ней. Мысленно, но отчётливо — почти вслух.

«Ты всё делала правильно», — говорила «добрая фея».

— Знаю, — отвечала я. — В этом и проблема.

«Нужно было ещё стараться».

— Нет.

«Надо разобраться, может в тебе что-то не так? Надо понять, простить, подождать».

— Нет. Нет. Нет!

«Так нельзя», вяло бубнила «добрая фея».

Я налила пятую.

— Можно, — сказала я вслух. — И нужно.

Поставила стакан.

— Ты мне больше не нужна. Ты вечно всё портишь. Ты «слишком хорошая» и сама позволяешь так с собой обращаться. Больше такого не будет! Я тебя… убиваю! Вот!

Я не заметила, как сорвалась на крик.

Я бегала по квартире, скидывала вещи на пол и топала ногами. И пила ещёи ещё – сбилась со счета сколько.

Где-то в перерывах между стаканами я её и убила. Осознанно, трезво, с полным пониманием того, что делаю. Это было не опьянение и не срыв. Это было моё взрослое решение. Как подпись под документом, который давно лежал «под сукном».

Как захлопывание двери в доме, из которого уезжаешь навсегда.

Глава 4. Утро после казни

Утром болела голова. Впрочем, болела терпимо: узо не джин, щадит.

Я лежала и смотрела в потолок. В потолке не было ответов. Там вообще ничего не было, кроме маленькой трещины в углу, которую я заметила ещё три года назад и всё собиралась замазать. Так и не замазала. Трещина за три года не увеличилась ни на миллиметр. Потолок пока справлялся без меня.

Я встала, выпила стакан воды, съела таблетку от головы.

Телефон показывал одиннадцать пропущенных. Три от мамы, два от Наташи. Я посмотрела на её имя и почувствовала что-то холодное и очень спокойное, как будто внутри выключили какой-то старый шум, который я так привыкла не замечать, что принимала за тишину. Один пропущенный был от Веры с работы, пять от незнакомых номеров, и один от Артёма.

Артём написал в час ночи: *«Катя, нам надо поговорить».*

Я подумаю об этом, Артем. Потом.

Я встала, умылась, поставила чайник и позвонила на работу.

— Алло, Катерина Сергеевна?

— Да. Я заболела. Меня не будет три дня.

— Ой, что случилось?

— Грипп, — сказала я. — Или отравление. Или экзистенциальный кризис. Запишите любое, что удобнее для табеля.

Пауза.

— Хорошо... поправляйтесь.

Я поправлюсь. Обязательно.

Только сначала сделаю уборку.

Настоящую, радикальную, такую, которую обычно откладывают на «когда-нибудь потом», а «потом» никогда не наступает, потому что страшно встретить в шкафу или под кроватью то, что там лежит.

Сейчас выбора не было: надо было избавляться от артефактов «доброй феи», и я засучила рукава.

Уборка «по фэншуй» началась с того, что я открыла все окна, включила что-то громкое и злое в колонке, кажется «Рамштайн», и встала посреди квартиры с мусорным мешком.

Правила фэншуй я знала примерно — выбрасывай всё, что не приносит радости. Автор этой концепции, видимо, никогда не стоял посреди квартиры, которую почти два года делил с человеком, который вчера что-то шептал на фоне телефонного разговора с твоей лучшей подругой. Разумеется, бывшей.

Начала с его полки в шкафу.

Там осталось немного — носки (три пары, одна с дыркой), зарядка от старого телефона, которую он давно не использовал, кружка с надписью «Лучший» и маленький блокнот, в

котором он иногда что-то записывал.

Блокнот я открывать не стала.

Не потому, что боялась. Просто некоторые вещи не делают тебя сильнее — они просто добавляют детали к картине, которая и так уже написана. В мусор.

Потом мой шкаф.

Вот тут я задержалась.

Платье с рюшами, голубое, то самое. Мы познакомились, когда я была в этом платье. Он сказал, что я похожа на принцессу. Я, дура, обрадовалась. Он говорил «тебе идёт», а мне самой оно напоминало подтаявший торт. В мусор.

Юбка в цветочек. миди, очень удобная. Он говорил: *«Катюш, ты в ней такая милая»*. Я надевала её, когда хотела ему понравиться и на его корпоративы, чтобы не выделяться среди других жён и подруг.

В мусор!

Кардиган пыльно-розового цвета, мягкий, с большими пуговицами. Я брала его на переговоры, когда надо было казаться доступнее, мягче, менее угрожающей. Старший менеджер по продажам в кардигане с пуговицами — это же не страшно, правда?

Я посмотрела на кардиган. Он смотрел на меня.

Выкинуть!

— И это не обсуждается, - сказала я вслух, обращаясь к кардигану.

Бежевая безликая блузка а-ля «серая мышка». В мусор.

Серая водолазка «будь фоном». На выброс. Юбка-карандаш крысиного цвета, модный дом «Не слишком». В мусор!

Часам к двенадцати на кровати образовалась гора, а в шкафу стало подозрительно просторно, скорее даже пусто. Я стояла и смотрела на эту гору.

Сколько лет я одевалась как плохой шпион, пытающийся слиться с толпой? Это ведь не одежда, это какая-то маскировка. Как будто если выглядеть достаточно мягко, достаточно удобно, не-угрожающе и не вызывающе — всё будет обязательно хорошо, ровно и складно.

Артём не уйдёт. Коллеги не обидятся. Мама не расстроится. Все будут довольны.

Все и были довольны.

Вот только где в этой куче серости я?

Я набила тряпками большой мусорный пакет и поставила его у двери. Потом взяла второй.

Глава 5. Антресоли

К обеду квартира дышала. Мусорных мешков было четыре — и это только одёжный фронт. Я вымыла полы, протёрла полки, выкинула три декоративные подушки в форме котят (подарок от коллеги Веры, которая дарила котят всем подряд с видом человека, совершающего духовный подвиг) и остановилась у антресолей.

Антресоли — это такое место, куда убирают всё, что жалко выбросить, но незачем хранить. Кладбище намерений. Музей чужих ожиданий.

После короткого изучения ландшафта я обнаружила, что забираться на антресоли удобнее всего с кухонным стулом.

Я не знала, зачем туда полезла. Просто руки дошли.

Я поставила стул, залезла, открыла дверцу.

Пыль. Запах старой бумаги и чего-то детского — не могу объяснить, но детство пахнет именно так: немного пластмассой, немного временем. Старые коробки с документами, чехол от чемодана, который уже не используется, пакет с искусственными ёлочными ветками и ещё всякое такое, когда-то нужное, а сейчас – просто хлам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.